

41981

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ФИННОУГОРСКИХ ЯЗЫКОВ

АСПИРАНТ Э. ВЯАРИ

ТЕРМИНОЛОГИЯ РОДСТВА В ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКАХ

АВТОРЕФЕРАТ
ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Diss. Tart. 299747

ТАРТУ 1953

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ФИННОУГОРСКИХ ЯЗЫКОВ

АСПИРАНТ Э. ВЯАРИ

ТЕРМИНОЛОГИЯ РОДСТВА В ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКАХ

АВТОРЕФЕРАТ
ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ТАРТУ 1953

2
Tartu Ülikooli
Raamatukogu
485520

Гениальными трудами И. В. Сталина по языкознанию были заложены новые основы советской науки о языке. Поскольку ранее в нашем языкознании наблюдалась путаница в решении многих основных вопросов (взаимоотношение базиса и надстройки, вопрос о «классовости» языка, проблемы языка, диалекта и жаргона, языкового родства и т. д.), — появление трудов И. В. Сталина по языкознанию положило конец этой неразберихе, открыв, таким образом, новые пути развития подлинно марксистского языкознания.

В то же время И. В. Сталин дал классическую оценку сравнительно-историческому методу в языкознании, указав, что, несмотря на все его недостатки, он толкает языковедов к творческой научно-исследовательской работе. В связи с появлением трудов И. В. Сталина новую трактовку нашел и вопрос о родстве языков, благодаря открывшейся возможности изучать их генеалогию, так как древняя грамматическая, а также лексическая общность родственных языков, в особенности же общность их основного словарного фонда, являются теми предпосылками, на основе которых можно выводить заключения о языковом родстве.

Появление трудов И. В. Сталина по языкознанию дало возможность приступить и к разработке настоящей темы: «Терминология родства в прибалтийско-финских языках». Прослеживание имеющихся по данному вопросу материалов позволяет установить, какие термины являются общими для всех финноугорских языков и какие для одних только прибалтийско-финских языков; в исследовании выясняется также, какие понятия выражаются посредством заимствований, определяется состав этих заимствований и их роль в развитии исторических взаимоотношений соседних племен и народов.

Классики марксизма-ленинизма во многих своих произведениях касались и вопроса о происхождении и развитии человека. Особо важное значение имеет труд Фр. Энгельса «Роль

труда в процессе превращения обезьян в человека», где показывается, как в связи с трудовым процессом обезьяна превратилась в человека, как образовались членораздельная речь и мышление. Выводы Энгельса гораздо глубже, чем выводы кого-либо из его предшественников. На образных примерах В. И. Ленин и И. В. Сталин показывают, как развивалась общественность человека в связи с его речью: «Звуковой язык в истории человечества является одной из тех сил, которые помогли людям выделиться из животного мира, объединиться в общества, развить свое мышление, организовать общественное производство, вести успешную борьбу с силами природы и дойти до того прогресса, который мы имеем в настоящее время». ¹

Исторические сведения о древнейших временах весьма скудны, они слишком слабо освещают семейные отношения далекого прошлого, непосредственно связанные с терминологией родства. Несмотря на это, историческая наука успела выработать определенные взгляды по вопросу о полигамии и моногамии, более или менее решены также основные проблемы матриархата и патриархата. Важную роль в разрешении этих вопросов сыграл Л. Г. Морган, изучивший систему родства у ирокезов. Обширный фактический материал Morgana был использован Фр. Энгельсом в его труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства», где дается обзор истории форм семьи. Там же Энгельс отмечает и важное значение терминологии родственных отношений при их изучении, так как термины некоторое время могут сохраняться в обиходе даже после замены данной родственной системы новой. Разумеется, нельзя переоценивать значение лексики родственных отношений: словарный состав любого языка находится в состоянии постоянного развития и изменения.

Изучение терминологии родства помогает выяснить прошлое народа, разрешить вопросы, непосильные ни одной науке в отдельности. Лингвистика должна прибегнуть к помощи археологии, этнографии, фольклористики и других наук, — лишь в этом случае можно будет разрешить проблему семейных отношений прибалтийско-финских народов. Настоящая работа представляет собой попытку осветить только часть этой сложной проблемы.

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М. 1952, стр. 46.

I

В первой главе диссертации рассматривается постановка данного вопроса в финноугорской лингвистической литературе. Здесь выясняется, что главное место по собиранию материалов принадлежит ряду языковедов прошлого столетия, каковы: Регули, Карьялайнен, Кастрен, Паасонен, Альквист, Шегрен, Сетяля, Мункачи и др. Необходимо, однако, иметь в виду и труды таких более ранних авторов, как Паллас, Мюллер, Гмелин и др. Специальные труды по данному вопросу принадлежат А. Альквисту, И. Н. Смирнову, Э. Н. Сетяля, А. Хмялайнену, К. Ф. Карьялайнену и др. Следует отметить, что основным недостатком многих из этих исследований является идеалистический подход к самому вопросу: предполагается существование в глубокой древности ясно определенных семейных отношений. Советская наука не признает таких «теорий», так как семейные отношения постоянно подвергались изменениям. Второй погрешностью в целом ряде языковедческих трудов по прибалтийско-финским языкам является то обстоятельство, что в общении с соседями усматривается лишь одностороннее воздействие, а именно воздействие «культурных» соседей на прибалтийских финнов, между тем как обратное воздействие обходится молчанием (Томсен, Карстен, Сетяля и др.). Из современных авторов проблему родственных отношений изучали У. Харва, Г. Мосберг, А. Вальмет. Первый из них пытается выяснить термины родства, которые вытекают из сорората и левирата; Г. Мосберг рассматривает различие прибалтийско-финскими языками старших и младших сестер и братьев; А. Вальмет дает основательный обзор лексики родственных отношений в эстонском языке.

В финноугорской лингвистической литературе терминология родственных отношений в течение долгих лет являлась темой весьма актуальной. Хотя многие вопросы уже и разрешены, все же целый ряд проблем требует марксистского их освещения советскими языковедами, этнографами, археологами, фольклористами.

II

Вторая глава диссертации посвящена анализу прибалтийско-финской терминологии ближайшего родства. Здесь рассматриваются такие понятия, как муж, жена, отец, мать, сын, дочь, брат, сестра. Выясняется, что для

обозначения этих понятий употребляется целый ряд слов финноугорского происхождения; таковы слова (здесь приводятся основы эстонского языка): *mees* 'муж', *naine* 'жена', *poeg* 'сын', *ema* 'мать'; наряду с ними имеются еще такие слова, лексикальные соответствия которых налицо лишь в приволжских или пермских языках (*akka*, *taat*, *laps*, *vend*). Однако, часть слов известна только прибалтийско-финским языкам; таковы *abielu* 'брак', *abikaasa* 'супруг, супруга', *veli* 'брат'. Общение с соседними народами влекло за собой лексикальные заимствования. Так, слова *sõsar* 'сестра' и *tütar* 'дочь' заимствованы из балтийских языков. В. Томсен, Э. Н. Сетяля и др. считают эти слова неоспоримо балтийскими заимствованиями как в прибалтийско-финских, так и в мордовском языках. По мнению П. Аристэ балтийские заимствования не имели все же столь широкого распространения, в силу чего в данном случае о них можно говорить только в отношении прибалтийско-финских языков, тогда как мордовский язык мог заимствовать эти слова и из иных индоевропейских языков. Сами по себе слова *sõsar* и *tütar* относятся к настолько далекому прошлому, что в настоящее время нет никаких данных о том, как эти понятия выражались ранее. Можно только предполагать, что понятие «дочь» передавалось посредством слова финск. *neito* ~ *neiti*; разумеется, и для понятия «сестра» должен был иметься свой исконный термин.

Более поздние сношения с соседними языками повели к новым заимствованиям из русского, немецкого и шведского языков. Русского происхождения вепское слово *bat't* 'отец', вепское и карельское *rod'it'el'jat* 'родители'; немецкого происхождения эстонское *mamma* 'мать', *metm* (то же), *papa* 'отец'; к шведскому языку восходит эстонско-финское заимствование *moor* 'мать' и др. К числу древнегерманских заимствований следует отнести финское *äiti* 'мать', эстонское соответствие которому *eit* (пренебрежительное название пожилой женщины).

Приведенная терминология свидетельствует о том, что наиболее близкие родственные отношения в прибалтийско-финских языках выражались с помощью исконных основ, прочно сохранившихся по большей части и до сих пор. Заимствования встречаются сравнительно редко: только *tütar* и *sõsar* упрочились во всех прибалтийско-финских языках, остальные же заимствования наблюдаются лишь в отдельных языках. Характерно, что в прибалтийско-финских языках специальными терминами обозначаются младшие и старшие братья, а также

сестры. Здесь мы имеем дело с древними отношениями патриархальной семьи, где такое различие было необходимо, так как старшие дети в семье занимали более важное место. Аналогичное различие братьев и сестер по возрасту наблюдается и в некоторых иных финноугорских языках.

III

В третьей главе диссертации продолжается рассмотрение лексики родственных отношений, причем разбираются термины, выражающие кровное родство (за исключением рассмотренных уже выше). Образуя прочную общественную ячейку, родители и дети патриархальной семьи жили вместе со своими семьями. Взаимосвязи кровных родственников были тесными, что явствует из многочисленных фактов фольклора. Фольклорные данные говорят о таких общих празднествах, как поминки, свадьба и другие; кровных родственников связывали тесные узы традиций далекого прошлого. М. Эйзен, а также А. Круусберг приводят множество примеров древнего обычая — похищения женщин. Акты похищения сопровождалась кровавыми столкновениями между родственниками похитителей и похищенной, поскольку кровные родственники были обязаны мстить за обиду. Обычай этот был свойствен не одним лишь финноугорским народам: он встречается и в Австралии, в Южной Америке и в других местах; о нем же сообщают историки античного мира (Диодор, Геродот) и средневековая патристика. Сознание кровного родства, о котором говорят исследователи эстонского языка и эстонской истории Луце и Видеман, является предпосылкой, обуславливающей формирование данной терминологии в далеком прошлом и ее унаследование современностью.

Прибалтийско-финскими можно считать финск. *setä*, эст. *sedī*, *lell*, 'дядя, брат отца', *onu* 'дядя, брат матери', *tädi* 'тетя, сестра матери'; финск. *äija* 'дедушка', эст. *äi* 'свекор, тесть', финск. *ämmä* 'бабушка', эст. *ämm* 'свекровь, теща'; финск. *ukko* 'старик, дедушка', *akka* 'старуха, бабушка', *eukko* 'старуха, бабушка', *serkku* 'двоюродный брат, двоюродная сестра', *orpana* 'сирота'. Из них наибольшее распространение имеют *onu*, *tädi*, *äi*, *ämm*. В отдельных родственных языках лексикальные соответствия имеются для основ *setä*, *lell*, *ämm*, *akka*. Приведенные термины указывают на патриархальные семейные отношения прошлого, а также и на то, что существовавшие понятия родства нашли свое выражение в исконной лексике дан-

ных языков. Выделяются многочисленные сложные слова, вошедшие в обиход параллельно с исконными, однокоренными словами, в особенности сложные слова по способу примыкания к род. п. ед. ч. Такие слова применялись в пояснительных и уточнительных целях, напр.: эст. *vanaisa* 'дедушка', *isaisa* (дословно: 'отцов отец'), *emaisa* 'дедушка по матери', *onuisa* 'отец матери' (дословно: 'дядин отец'), *onuema* 'мать матери' (дословно: 'дядина мать'), *suurtaat* 'дедушка', *isavend* ~ *isaveli* 'отцов брат', *isaõde*, *isasõsar* 'отцова сестра', *lapselaps* 'внук, внучка', *tütretütar* 'внучка' (дословно: 'дочерина дочь'), *tütrepoeg* 'дочерин сын', *pojatütar* 'дочь сына', *pojapoeg* 'сын сына'; финск.: *isänäiti* 'отцова мать', *isoisä* 'дедушка', *äidinäiti* 'материна мать'; ливск.: *suur-velki* 'дядя', *suur-sušša* 'тетя' и т. д.

Наряду с исконной терминологией имеются заимствования из балтийских, русского, немецкого, шведского языков. Весьма древним заимствованием является эст. *põbu*, финск. *peraa* 'двоюродный брат, двоюродная сестра'. Затем хронологически следуют русские заимствования, наиболее распространенные в вепском и карельском языках, что вполне понятно, т. к. вепсы и карелы веками жили бок о бок с русскими, вступая с ними в браки. Постепенно свадебные обряды вепсов и карелов впитали в себя много русского: на свадьбах, параллельно со своими, охотно пелись и русские песни, получившие со временем перевес. Если в настоящее время расспрашивать вепсов об их свадебных песнях, то зачастую можно получить ответ, что у них те же песни, что и у русских, или же вепские и русские песни поются поочередно. Из этого можно заключить, что в сознании народа утрачивается всё вепское. С появлением новых обрядов и обычаев стали и родственников называть огчасти по-новому, русскими словами. Первоначально бытовали параллельно старые, вепские и новые, русские термины, но постепенно первые утратились, уступая место русским терминам. Этим объясняется малочисленность исконной терминологии родства в вепском языке. Аналогичный процесс протекал также в карельском и водском языках, хотя в карельских наречиях лексикальные рефлексy сохранялись в большей мере, чем у вепсов. Вот некоторые русские заимствования: *d'ääd'ä* < дядя (водск., вепск., карельск.), *d'ed* ~ *d'eda* < дед (водск., вепск., кар.), *baaba* < баба (водск., вепск., кар.), *baabuška* < бабушка (водск., вепск., кар.), *bratan* < братан (вепск.), *s'estrija* < сестрия (вепск.), *t'öt'* < тетя (вепск.), *vinukka* ~ *vinuk* < внук (вепск., финск.), *pl'emän'n'ik* < племянник (водск., вепск., кар.), *pl'emän'n'its* < племянница (вепск.).

Как известно, на территории эстонского языка обитали и шведы, из речи которых в эстонский язык, в частности в западные его говоры, вошли некоторые заимствования в области родственных отношений: *vaaster* 'отцова сестра', *mooster* 'материна сестра', *ell* 'дед', *ellaisa* 'дед', *ellataat*, *ellapapa*, *vaar* (то же). Из шведских заимствований слово *vaar* является единственным широко распространенным в эстонском, а также в финском языке термином. Таким образом, воздействия шведского языка в области терминов родства очень незначительны. Еще меньше число заимствований из немецкого языка: эст. *onkel* 'дядя', *onku* (то же), *tanta* 'тетя'.

Все это показывает, что терминология кровного родства в основном своем составе исконна; термины, возникшие путем слияния двух корней, отчасти являются синонимами, отчасти же вытеснили однокоренные основы. Слова *onu*, *tädi* — исконно прибалтийско-финского происхождения, и причисление их к русским или немецким заимствованиям ничем не обосновано.

IV

Содержание четвертой главы диссертации — терминология родства по браку, обзор исторического развития брака с доисторических времен по настоящее время. От группового брака к многоамной семье — вот путь развития, который прошли все народы. В обрядах прибалтийско-финских народов прочно укоренились некоторые пережитки древнейших видов брака, о которых говорится в специальной литературе.

Рассматриваемая в этой главе лексика восходит к тем временам, когда установились уже прочные брачные отношения. Родители будущей молодой четы, нередко враждовавшие между собою до брака, мирились после его заключения, превращаясь в поддерживающих друг друга союзников. Существующая терминология родства показывает, что упорядоченные брачные отношения господствовали уже при финноугорской общности языков (конечно, с некоторыми отличиями от нынешних условий). Так, различались отец и мать обоих супругов, а также мужья и жены детей, братья и сестры супругов. Лучшим доказательством этого служат основы финноугорского происхождения: финск. *appi* 'тесть', *anoppi* 'теща'; эст. *ülg*, финск. *ylkä* ~ *yrkä* 'жених'. Во всех прибалтийско-финских языках имеются финноугорские *minia* 'невестка', *väi* 'зять', *küdi* 'деверь', *nadu* 'золовка', *käli* 'жена брата мужа'. Наряду с финноугорскими терминами есть еще целый ряд слов более позднего происхож-

дения, связанных с племенами прибалтийских финнов, о чем свидетельствуют: эст. *nääl* 'шурин', *peig* 'жених', *langud* 'родители супруга'; финск. *sulhanen* 'жених'. Особое явление наблюдается в эстонском языке, где любой термин, обозначающий родственника, часто дополняется словом *mees* 'мужчина', как бы для выделения пола, например: *peigmees* 'жених', *kälimees* 'своjak', *näälmees* 'шурин'. Многие прибалтийско-финские слова стали терминами родства в результате исторического развития, напр.: водск. *neitsüd* 'супруга', что в других прибалтийско-финских языках означает молодую незамужнюю женщину; сюда же относится эст. *nänn* 'мать', ранее обозначавшее сосок (в наречиях кое-где сохранившее это значение и в настоящее время).

Встречается также множество сложных слов, так, напр.: эст. *meheisa* 'отец мужа, свекор', *naiseisa* 'женин отец, тесть', *mehevanemad* 'родители мужа'; *naisevanemad* 'женины родители', *tütrepoe* 'сын дочери', *noorikumees* 'зять', *paigamees* 'зять', *pojanaine* 'невестка', *vennanaine* 'жена брата', *onunaine* 'жена брата матери', *lellenaine* 'жена брата отца', *tädimees* 'муж материной сестры', *sõtsemees* 'муж сестры отца', *meheõde* 'сестра мужа' и пр. При помощи сложных терминов могут быть выражены все понятия, о которых идет речь в данной главе. Часто это делается для достижения большей ясности, так как старые термины постепенно утрачиваются.

Наблюдается только одно древнее заимствование из балтийских языков — *mõrsja* 'невеста'. В. Томсен полагает, что между прибалтийскими финнами и балтами заключались браки. Исторической наукой доказано, что взаимоотношения этих племён были добрососедскими, вследствие чего браки между их членами представляются вполне вероятными. А заключение браков, в свою очередь, содействовало обоюдному заимствованию терминов родства.

Многочисленные русские заимствования засвидетельствованы в вепском и карельском, а также и в водском языках: *neveskä* < невестка (кар., вепск.), *svojakka* < своjak (вепск.), *ženih* < жених (вепск., кар., водск.), *nevesta* < невеста (вепск., кар.). Сюда же относится и водск. *d'ääd'i* 'жена брата матери'.

В ливском и эстонском языках имеется заимствование из ниже-немецкого *pruut* 'невеста', относящееся к XIV—XV векам. Более поздние заимствования из немецкого: ливск. *švõgər* 'деверь' и *brüdšana* 'жених'. Из заимствованных шведских слов известны финск. *suoveri* ~ *suoveri* 'деверь' и в эст. наречиях — *pilku* 'жена брата'.

Все сказанное показывает, что лексика, обозначающая родство по браку, в основном своем составе является исконной и восходит ко временам прибалтийско-финской, частью же и финноугорской языковой общности.

V

В пятой главе рассматриваются некоторые общие понятия родства, причем, исходя из корневого слова, автор работы приводит все его производные, обозначающие родство. В первую очередь рассматривается слово *sugu*, имеющееся в ливском, эстонском, водском и финском языках. Оно имеет несколько значений, но среди них одно относится к общественным понятиям, обозначая лиц одного происхождения, родственников, родовую общность. Слово *sugu* входит в общий словарный состав прибалтийско-финских и саамского языков. Еще в период языковой общности прибалтийских финнов оно обозначало первоячейку древнего общества, объединённую добычей средств к жизни, близким родством, происхождением от общего предка. Корень *suku* связывается с глаголом, финск. *sukea* ~ эст. *sugenema* 'рождаться, возникать'. Семасиологически и слово *sugu* означает понятие, связанное с рождением, произведением потомков. От этой же основы имеется целый ряд слов: *sugulane* (родственник, кровный или по браку; в некоторых эстонских наречиях — только родня мужа); эстонское (и финское) *sugukond* также обозначает группу, коллектив, члены которого связаны узами родства. Слово *sugukond* заменило термин *sugu* (суффикс *-kond* служит средством образования терминов коллективного значения). Сюда же относятся эст. *suguharu*, *suguvõsa*, *suguselts*, но это уже дериваты позднего происхождения.

Слово *pere* 'семья' встречается во всех прибалтийско-финских языках, часто в двух значениях, означая, во-первых, коллектив ближайшей родни, и, во-вторых, лиц, живущих в одной и той же усадьбе. Первое значение более древнее и восходит к доисторической эпохе. И. Немет-Шебестьен усматривает соответствие этому слову в венгерском *pereputty*, но более точный анализ показывает, что данная основа является общей только для саамского и прибалтийско-финских языков, тогда как другие финноугорские языки ее не знают. Глубокой древностью отличается также слово *perekond*, заменившее в эстонском и финском языках термин *pere* 'семья' после того, как этот последний приобрел более широкое значение.

Во всех прибалтийско-финских языках известно также и слово *hõim*, обозначающее дальнюю родню. В южно-эстонских говорах *hõim* имеет значение родни по браку, в говорах же территорий Харгла и Мынисте это слово понимается в значении родни супруги. Что это последнее значение в древности имело широкое распространение, видно из выражения *hõimule tulema* (о посещении замужней женщиной своей родни, в первую очередь — родителей). В связи с марксистским освещением исторической науки слово *hõim* в эстонском языке получило новое, определенное значение: им выражается понятие «племени», а словом *sugu* понятие «рода» (соответственно: *sugukonna-keel* — родовой язык, *hõimukeel* — племенной язык, *rahvakeel* — народный язык, *rahvuskeel* — национальный язык). Этимологически слово *hõim* родственно литовскому *šeima, šeimyna*. Во втором тысячелетии до н. э., когда начинает формироваться родовое устройство, в прибалтийско-финских языках в качестве термина для понятия рода входит в употребление балтийское заимствование *hõim*.

Эстонский и финский языки пользуются также словом *hõimlane* для обозначения отдельного лица, члена коллективного *hõim*. Употреблявшееся когда-то в эстонском языке слово *hõimik* (в значении того же термина, но женского рода) теперь уже устарело. Эст., вепск., кар., финский языки для обозначения коллектива пользовались еще словом *hõimkond*, с которым эстонские *suguhõim, verihõim* почти что совпадают по значению.

Во всех прибалтийско-финских языках имеется слово *rahvas* в значении «народа, народности» (за исключением финского, где оно имеет пренебрежительный оттенок); его мордовский рефлекс — глагол *рашнемс ~ раштамс* 'размножаться, плодиться, разводиться'.

Основа *kansa* 'народ', присущая всем прибалтийско-финским языкам, встречается во многих разновидностях. Эстонская форма *kaasa* служит для обозначения супруга или супруги; однако, она применялась также и в качестве послелога, откуда получилось современное окончание *-ga*, примета комитатива. То же развитие наблюдается в ливском и водском языках. Вепское *kanz* означает «семью». Помимо того, имеется еще карельское сложное слово *ristikanz* в значении «человека». Однако основное значение слова *kansa* как по-фински, так и по-карельски — «народ».

Многими языковедами были сделаны попытки сопоставить

основу *kansä* с древнегерманским словом *hansa* (Дифенбах, Хунфальви, Сетяля, Мейер, Карстен и др.), усматривая здесь культурное воздействие германцев на прибалтийско-финские народы. Однако эта точка зрения ничем не обоснована, так как слово *kansa* встречается и в прибалтийско-финских и в саамском языках, где оно могло употребляться в значении «племя» еще до появления балтийского заимствования *höim*.

VI

В заключительной части рассматриваются результаты проделанной работы. Выясняется, что основная лексика прибалтийско-финских языков по терминологии родства либо финноугорского, либо прибалтийско-финского происхождения. Хотя многие современные слова и не имеют своего соответствия во всех родственных языках, все же определению происхождения отдельных терминов способствуют рудиментарно сохранившиеся формы. Так, финноугорского происхождения слова: *mees, naine, poeg, ema, enne, isa*, финск. *setä, lell, vät, minia, küdi, nadu, käli, ülg, vend*. Численность таких финноугорских основ не велика, но по ним можно вывести то бесспорное заключение, что в период языкового единства финноугров уже имелись определившиеся семейные отношения, сопровождавшиеся осведомленностью о супружеской родне, для обозначения которой применялись свои собственные, исконные термины. Кроме ближайших родственников и родственниц, древние финноугры знали еще братьев и сестер своих родителей, а также родню по браку, как показывают слова *väi, minia, küdi, nadu, käli*. Несмотря на то, что в настоящее время нет финноугорских слов для всех понятий родства, можно все-таки полагать, что еще ряд таких слов когда-то имелся. В длительном процессе развития и изменения язык утратил часть своих слов, неизвестных современному языковеду.

Особую группу образуют те термины родства, которые оказываются общими для одних лишь прибалтийско-финских языков. Таковы: эст. *abielu, abikaasa, veli*, финск. *kansa*, эст. *onu, tädi, äi, ämm, langud, peig*, финск. *sulhanen* и многие др. Часть этих слов когда-то имела большее распространение, чем в настоящее время, но часть появилась лишь в период языковой общности прибалтийских финнов. Финноугорские и прибалтийско-финские термины дают возможность выражать почти все родственные отношения.

Во многих языках наблюдается тенденция к исчезнове-

нию древних терминов родства. В прошлом семейные узы и понятия имели гораздо большее общественное значение, чем в наши дни, вследствие чего требовались дифференцированные названия для этих понятий. По мере того, как ослаблялась необходимость дифференцировать отдельные понятия родства и соответственные слова стали употребляться реже в результате появления новых обычаев, старые термины основного словарного фонда начали вымирать, приобретая пассивный характер. Некоторые такие слова сохранились в том или ином языке, в том или ином диалекте, но многие забылись совершенно. Нередко они употребляются только в народных песнях. Поскольку, однако, соответственные понятия сами не исчезли, в необходимых случаях стали применяться сложные, производные слова. В прибалтийско-финских языках древностью отличаются те из них, первый компонент которых присоединялся в им. п. ед. ч., придавая основному слову пояснительный, определительный оттенок. Из них сохранились только *kälimees, väimees, näälmees*. Все сложные термины позднейшего происхождения образовались уже путем присоединения род. п. ед. ч., и они-то и вытеснили древние термины. Тенденция эта была свойственна прибалтийско-финским языкам самим, без малейшего воздействия извне. Следует отметить, что тот же процесс продолжает развиваться и в наши дни.

Особенной устойчивостью отличаются такие слова, которые выражают наиболее близкие отношения, например: *mees, laps, poeg, isa, ema*. Эти слова употребляются почти во всех прибалтийско-финских языках (лишь немногие из них не имеют соответствия у вепсов и карелов).

Взаимоотношения прибалтийских финнов и их соседей отражаются в заимствованиях. В качестве древних балтийских заимствований можно привести: *tütar, sõsar, mõrsja, nõbu, hõim*. В них сказываются добрососедские отношения прибалтийско-финских и балтийских племен. Эти заимствования относятся к столь далекому прошлому, что свои исконные термины успели уже давно забыться, не оставив следов ни в одном из языков.

Древним германизмом можно признать термины *äiti* (финск. 'мать') ~ *eit* (эст.), между тем как долгое время считавшееся древнегерманским заимствованием слово *kansa* оказывается исконным прибалтийско-финским словом.

Наибольшее количество заимствованных терминов получено из русского языка, что ярко характеризует взаимосвязи русского и прибалтийско-финских народов. Так, большое количество слов заимствовали сетуский диалект эстонского языка,

восточно-финские диалекты, в особенности же карельский, водский и вепсский языки. Три последних находились с русским языком в настолько тесных сношениях, что это наложило своеобразный отпечаток на их словарный состав. Русскими являются здесь, например, следующие заимствования в области терминологии родства: *maama* (водск., вепсск., кар.), *bat't* (вепсск.), *rod'it'el'jat* (вепсск., кар.), *d'ääd'ä* (вепсск., кар., водск.), *d'ed ~ deduška* (водск., вепсск., кар.), *baaba ~ baabuška* (водск., вепсск., кар.), *bratan* (вепсск.), *s'estrija* (вепсск.) *t'öt'* (вепсск.), *vonuk ~ vonuk* (водск., вепсск., кар.) *pl'emän'n'ik* (кар., вепсск., водск.), *pl'emän'n'its* (вепсск.), *n'eveskä* (кар., вепсск.), *d'ääd'i* (водск.), *svojakka* (вепсск.), *žen'iha* (водск., вепсск., кар.) и многие другие. Брачные союзы весьма часто объединяли вепсов, карелов и воедь с русскими, в результате чего русские заимствования прочно укоренились среди названных народов.

Несравненно меньше заимствований из шведского языка. Наибольшее их число наблюдается в финском языке, за ним следуют западно-эстонские наречия. Хорошо известны *moor* и *vaar*, в наречиях же употребляются: *vaaster*, *mooster*, *ell*, *ellaisa*, *ellataat*, *ellapapa*, *pilku*, *pill*. Сношения со шведами относятся к недалекому прошлому и имеют случайный характер.

Наконец, имеются еще нижне-немецкие и немецкие заимствования по терминологии родства. Это также сравнительно поздние термины. Распространение их в прибалтийско-финских (главным образом в эстонском и ливском) языках начинается с XIII столетия, в связи с немецкой экспансией на восток, в Прибалтику. Некоторые слова господствующего класса перенимались и покоренными: эст. *pruut*, *papa*, *tamma*, *temm*; ливск. *švōgār*, *brūdgana*. Еще более поздними являются эстонские заимствования жаргонного характера: *onkel*, *onku*, *tanta*, *mutter* и т. п.

Подводя итоги, можно сказать, что собранный языковой материал доказывает наличие общинного строя у прибалтийских финнов еще в ту пору, когда они образовывали одно общее целое. В период прибалтийско-финской общности семейные отношения отличались сложностью, обусловленной патриархальным укладом жизни. Для выражения этих отношений употреблялась своя, исконная терминология родства, значительная часть которой восходит к эпохе языкового единства всех финноугорских племен. Сохранились до нашего времени только те термины родства, которым приходилось и позднее выполнять функцию средства общения; термины же, которые в

результате происшедших изменений в родственных отношениях утратили свою активную роль, выпали из основного словарного фонда и вообще из словарного состава. Заместителями таких, вышедших из употребления, слов явились новые, сложные слова. Таков закономерный процесс, свойственный всем прибалтийско-финским языкам.

Бесплатно

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 00422792 4